

ВЗГЛЯД ИСТОРИКА: ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

DOI: 10.47026/2712-9454-2024-5-3-43-54

УДК 93/94
ББК 63.3

Л.М. АРХИПОВА

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ПОВСЕДНЕВНОЙ АРМЕЙСКОЙ СЛУЖБЫ В КОНЦЕ XIX ВЕКА (по письмам подпоручика А.Н. Люпова)

Ключевые слова: социальный лифт, военное образование, армейская служба, крепостная артиллерия, офицерский быт.

Статья посвящена относительно редко привлекающей внимание исследователей и между тем неизменно актуальной и вневременной теме «частного человека» в масштабных, значимых историко-социальных процессах.

Цель исследования отвечает современным тенденциям развития исторической науки и заключается в том, чтобы, используя познавательные возможности жанра исторической биографии, раскрыть характерные черты повседневности в военной подготовке и в дальнейшей армейской службе части младших офицеров русской армии накануне Русско-японской войны.

Материалы и методы. Верификация результатов исследования обеспечивается использованием идеографического подхода и сущностно-описательного анализа источниковой информации в русле двух актуальных направлений новой социальной истории – исторической биографии и исторической повседневности. Документальной базой изучения темы послужили главным образом автобиография и письма подпоручика Алексея Николаевича Люпова, адресованные старшему брату Сергею Николаевичу Люпову и хранящиеся в Государственном архиве Ярославской области. Документы, привлеченные для решения поставленной задачи, впервые вводятся в научный оборот.

Результаты исследования. В первой части статьи выявлена мотивация А.Н. Люпова при выборе им военной службы в качестве социального лифта и достижения материального благополучия, описаны условия его обучения в Нижегородском кадетском корпусе и Московском пехотном юнкерском училище. Во второй части статьи представлен анализ социально-бытовых сторон армейской службы в крепостной артиллерии в Батуми и в Александрополе, рассмотрены возможности карьерного роста. В ней содержится также информация о том, как осуществлялось направление младших офицеров и рядового состава крепостного гарнизона в Квантунскую артиллерию, о сборах в далекий путь к новому месту службы и первых впечатлениях от Порт-Артура.

Выводы. Заключительная часть статьи содержит ряд наблюдений по теме исследования. Концентрируя внимание на жизненных коллизиях обычного, не выделявшегося талантами и героикой подпоручика А.Н. Люпова, его образе жизни и менталитете, автор предлагает документально обоснованное представление о социально-бытовых сторонах жизни части младшего офицерского состава русской армии в конце XIX в.

Введение. В статье раскрывается один из возможных вариантов включения биографического жанра исторических исследований в научную реконструкцию прошлого. Проблема приобрела дискуссионный характер в 2002 г., благодаря ее постановке в альманахе интеллектуальной истории «Диалог со временем», и сохраняет актуальность спустя два десятилетия [1]. Возможности выстраивания микроисторических сюжетов вокруг жизни обычного человека

через оптику его личной интерпретации биографических фактов – вот та теоретическая проблема, которую решает автор статьи.

Цель исследования заключается в том, чтобы, используя познавательные возможности жанра исторической биографии, раскрыть характерные черты повседневности в военной подготовке и в дальнейшей армейской службе части младших офицеров русской армии накануне Русско-японской войны.

Материалы и методы. Документальной базой изучения темы послужили автобиография и письма подпоручика Алексея Николаевича Люпова, адресованные старшему брату Сергею Николаевичу Люпову и хранящиеся в Государственном архиве Ярославской области. Документы, привлеченные для решения поставленной задачи, впервые вводятся в научный оборот¹. Верификация результатов исследования обеспечивается использованием идеографического подхода и существенно-описательного анализа источниковой информации, проведенных на основе принципов микроистории, в частности в русле двух ее актуальных направлений – исторической биографии и исторической повседневности [7–9, 11, 12].

Результаты исследования. Алексей Николаевич Люпов родился 22 февраля 1872 г. в г. Ставрополе Самарской губернии в большой, дружной и счастливой семье начальника уездной полицейской команды Николая Тимофеевича Люпова и его жены Анны Дмитриевны, у которых к этому времени уже были два сына – Владимир и Сергей, позднее родилась дочь Вера. Родовые корни им были известны только по линии отца и до третьего колена, а затем терялись «в массе простых крестьян» [2. Д. 2. Л. 25–26].

Такое заметное для России XIX в. общественное явление, как вертикальная социальная мобильность, затронуло их род. Выходец из крестьян, прапрадед стал диаконом в одной из церквей г. Епифани Тульской губернии. Службу диаконом продолжил прадед Кузьма, окончивший семинарию, где его крестьянскую фамилию Медведников изменили на Люпов. Дед Тимофей Кузьмич дослужился уже до чина титулярного советника, соответствовавшего IX классу Табели о рангах, что по закону до 1845 г. предоставляло права потомственного дворянства. Он умер от холеры в 1842 г., так и не став потомственным дворянином [2. Д. 2. Л. 25–26]. Отец Николай Тимофеевич вышел в отставку в 1894 г. в звании подполковника – VII класс. Но уже к этому времени рассчитывать на получение прав потомственного дворянства можно было только при достижении VI класса. Вместе с тем за 35-летнюю безупречную службу в офицерских чинах Н.Т. Люпову последовало награждение орденом Святого равноапостольного князя Владимира IV степени. Награда сопровождалась записью всего семейства в III часть родословной книги Российских дворянских родов [3. Д. 8. Л. 1, 3].

Выбор военной карьеры для мальчиков сделал отец. Сергей и Алексей Люповы получили начальное образование в подготовительных и в первом классе 2-й классической гимназии в Казани, а к военной подготовке приступили в Нижегородском графа Аракчеева кадетском корпусе. Реформа 1882 г. военных гимназий, отличавшихся определенным гражданским и светским уклоном, была направлена на их коренное преобразование в настоящие военизированные школы с сохранением общеобразовательной гимназической программы. Военизация заключалась в замене гражданских воспитателей офицерами, усилении военной дисциплины. Люповы не испытывали никакого влечения к военному делу, они

¹ Подробнее о характеристике фонда см.: Архипова Л.М. О возможностях воссоздания социально-психологического феномена русской военной интеллигенции по материалам фондов провинциальных исторических архивов // Социальная история российской провинции. Ярославль: ЯрГУ, 2006. С. 170–175.

даже в детстве «никогда не играли в солдаты», но тем не менее, достигнув 11-летнего возраста, успешно сдали конкурсный экзамен в кадетский корпус. Им предстояло провести в стенах закрытого учебного заведения 7 лет.

Обучение в корпусе было поставлено основательно, преподаватели к делу относились добросовестно, проверяли знания строго. В целом учеба, быт, социальные связи кадетов внутри учебного заведения, весь строй жизни в корпусе ничем не отличались от условий в других военных школах и хорошо известны. В Нижегородском графа Аракчеева кадетском корпусе они определялись тем, что 350 воспитанников были сгруппированы в три роты, роты состояли из отделений, строго соблюдался режим и субординация, поведение и нравственное состояние контролировались воспитателями [5].

Сергей был старше Алексея на два года и, хотя, по оценке брата, был «неврастеником», проявлял усидчивость, целеустремленность, и ровно прошел все курсы. После окончания в 1889 г. Нижегородского кадетского корпуса он продолжил военное образование в Михайловском артиллерийском училище, а после его окончания в 1892 г. и последовавшего 5-летнего срока службы в артиллерийской бригаде поступил и окончил по 1-му (высшему) разряду Николаевскую академию Генерального штаба. Военная карьера С.Н. Люпова складывалась успешно, и Февральскую революцию 1917 г. он встретил в звании генерал-лейтенанта [10].

Не таким прямым был путь в военный строй Алексея Люпова. Педагогический комитет Нижегородского кадетского корпуса дал ему следующую характеристику: «Достаточно спокойный кадет, но делом занимается мало, по натуре грубый, хитрый, заботящийся о личных своих выгодах; дурно влияет на товарищей, и, хотя сдерживается строгими мерами, но в интернате не желателен» [2. Д. 20. Л. 13].

Среди проступков 15-летнего подростка назывались: грубое обращение с прислугой, смех и невниманье в строю, невежливый ответ преподавателю и др. За проступки следовали наказания: штраф, арест на несколько часов, «посаженье на хлеб и воду», «сняты погоны на месяц». Учился Алексей плохо. Два года отсидел в 3-м классе, затем, одолев 4-й и 5-й, перевелся в 1-й Московский кадетский корпус, откуда вскоре был исключен за неуспеваемость [2. Д. 20. Л. 9, 13, 14].

Причиной всех неудач было глубокое неприятие им военной службы. «Необходимость отбывания воинской повинности натолкнула на мысль бежать от нее за границу» [2. Д. 2. Л. 12; Д. 20. Л. 9, 10]. До побега дело не дошло, но была попытка найти себя на гражданской службе. В течение года Алексей был писцом в полицейском управлении в Казани. Получал жалованье в размере 10 руб. в месяц, питался в студенческой столовой на 8 коп. в день, испытывал нужду и переживал, что такое положение никак не соответствовало его самооценке [2. Д. 16. Л. 12]. Без состояния и пока еще без прав потомственного дворянина, без специального образования Алексей оказался в безвыходном положении относительно будущего. Он пришел к мысли, что шанс на более достойное положение в обществе давала только военная служба, и смирился со своей участью.

К решению продолжить военное обучение подталкивали успехи на этом поприще брата Сергея и его советы. В результате спустя 2 года после бегства из Москвы, в 1892 г., ему, уже 20-летнему юноше, удалось подготовиться и сдать экстерном экзамен за 7-й класс Нижегородского кадетского корпуса. Для того чтобы нагнать упущенное время, он записался вольноопределяющимся в 10-й Новоингерманландский полк, находившийся в Нижнем Новгороде, и, прослужив в нем более трех месяцев, получил первый опыт солдатской службы [2. Д. 20. Л. 6, 10, 11]. «На вольноопределяющихся смотрят как на простых солдат и потому мне приходилось быть ночным часовым и ходить в ночной патруль... С солдатским воздухом

обвыкся и вообще вошел в норму», – бодро сообщал он из летнего лагеря брату [3. Д. 2. Л. 2]. Тогда же Алексей определился с будущей специализацией: «Всеми силами буду стараться, чтобы служить в артиллерии, ибо положение офицеров в пехоте скверное и на них смотрят в обществе хуже, нежели на артиллеристов» [3. Д. 2. Л. 2–3].

Перспективы вольноопределяющегося в 80-е – начале 90-х гг. XIX в. выстраивались в соответствии с непрерывно возрастающими потребностями русской армии в офицерских кадрах и реализацией всеобщего принципа ее организации. Получить офицерский чин можно было после окончания военного или юнкерского училища. Военные училища отличались однородным составом по воспитанию и образованию, так как комплектовались они преимущественно юношами, окончившими кадетские корпуса. Военные училища выпускали офицеров во все роды войск, с одним или двумя годами старшинства в чине подпоручика (корнета). Юнкерские училища принимали молодых людей «со стороны» и открывали свои стены для вольноопределяющихся всех категорий и сословий, большинство которых не имело законченного среднего образования. «Это обстоятельство придало училищам характер второсортности, питомцев их ограничивало в правах выпуска и в обществе создало им огульную репутацию “неудачников”» [4. С. 227].

Однако в 1888 г. Московское пехотное юнкерское училище было преобразовано в юнкерское училище с военно-училищным курсом (с 1906 г. Алексеевское военное училище). Программа наук в нем была та же, что и в военных училищах, такие же права, но принимались туда только вольноопределяющиеся с законченным высшим или средним образованием; для первых был установлен одногодичный курс, для вторых – двухгодичный. В конце августа 1892 г. Алексей Люпов был зачислен как вольноопределяющийся со средним образованием на двухгодичный курс обучения, чему был очень рад.

«Училище обставлено очень хорошо: есть читальня, где получается масса газет и журналов и имеется очень хорошая библиотека. Кормят тоже очень хорошо – на манер корпуса: обед в три блюда, чай утром и вечером и завтрак. Скверно только то, что казенного белья не полагается и носят все свое; мыть его также придется на свой счет, что в месяц будет стоить рубль с лишним. Казенных сапог также не полагается, так что придется непременно сшить другую пару... Да, придется непременно купить барашковую шапку (из поддельного барашка) за 1 руб. 50 коп., так как казенную выдадут только после Рождества и говорят, что они очень скверны, а в отпуск можно только в барашковой...» [3. Д. 2. Л. 4, 5].

В начале 90-х гг. XIX в. казенное содержание воспитанников юнкерских училищ было скудным: их месячный оклад только на 15 коп. превышал солдатский паек. Общее питание было регулярным, но очень скромным по сравнению с домашним столом большинства. У совсем бедных подчас не хватало денег даже на покупку зубной щетки, посылку писем [4. С. 243]. Судя по признаниям Алексея, он испытывал материальные затруднения именно такого рода. «Денег, брат, только, жаль, нет – необходимы же они мне крайне. Это письмо посылаю также на марку, занятую в долг. Да еще тут подметки у сапог износились, но новые надо заказывать, прачке за стирку отдать, да так задолжал 50 коп.» [3. Д. 2. Л. 7].

Сергей взял на себя обязанность поддерживать брата-юнкера ежемесячной суммой из небольшого оклада начинающего артиллерийского офицера [3. Д. 2. Л. 12]. Это побуждало Алексея в свою очередь сообщать о достижениях в учебе. «В среднем по наукам у меня выходит 8 с лишком», «он в I разряде по учению», и по окончании первого курса вышел в портупей [2. Д. 20. Л. 11; 3. Д. 2. Л. 12, 13].

Расписание дня в Московском пехотном юнкерском училище было типовым: 6:30–7:30 – подъем, заправка постелей; 7:30–8:00 – утренний осмотр, завтрак; 8:00–8:30 – утренняя гимнастика; 8:30–14:00 – классные занятия; 11:00–12:00 – большая перемена; горячий завтрак; 14:00–16:00 – строевые занятия в манеже; 16:00–17:00 – обед; 17:00–18:30 – свободное время; 18:30–20:00 – самостоятельная работа, подготовка уроков на следующий день; 20:00–21:00 – вечерний чай, переключка, молитва; 21:00–21:30 – строевая церемония, объявление нарядов на следующий день; 21:30–22:30 – свободное время; 22:45 – отбой [13. С. 62–63].

Твердый распорядок, субординация, строевые занятия и дисциплина в единстве составили новый уклад жизни, явились серьезным испытанием для молодых юнкеров 18–23 лет. Некоторые приходили в уныние и разочаровывались в выборе карьеры [4. С. 233].

Для вольноопределяющихся, не только зачисленных в полк, а реально послуживших в нем даже короткое время, как это было с Алексеем Люповым, училищный режим не был в тягость, напротив, его письма этой поры наполнены оптимизмом, отмечены душевным подъемом. Ему особенно понравилось дружеское, равноправное отношение старших юнкеров к вновь поступившим. Поначалу его беспокоили две вещи – необходимость быстро записывать на слух лекции, к чему вскоре привык, и придирки к нему ротного командира, на которого он пожаловался училищному начальству, и это возымело действие. Вскоре он завоевал симпатии ротного тем, что был лучшим в гимнастических упражнениях [3. Д. 2. Л. 8].

Кроме ежедневной физической подготовки в широкий перечень изучаемых дисциплин наряду с Законом Божьим, русским языком, военной историей, военной географией, математикой, химией и др. входили специальные предметы вроде военной топографии, фортификации или артиллерии. Однако освоившие в те же годы эту программу обучения выпускники Киевского юнкерского училища отмечали недостаточность полученных знаний в сфере военной педагогики и артиллерии [4. С. 250].

С теми же трудностями столкнулся Алексей Люпов в первый год службы. В августе 1894 г. после окончания училища в чине подпоручика он был направлен в Михайловскую крепостную артиллерию, находившуюся в Батуми. Систематическое строительство крепости началось только в 1878 г. и было далеко до завершения. Она относилась к 3-му классу, считалась удаленной, пограничной, что обещало молодому офицеру тяжелые условия службы без быстрого карьерного продвижения, но вместе с тем и более высокие жалование и материальное содержание по сравнению с теми, на которые мог рассчитывать подпоручик-артиллерист в военном округе центрально-европейской части России.

После положенного выпускнику училища короткого отпуска, проведенного у отца в уездном Курмыше Симбирской губернии, в начале октября 1894 г. Алексей приступил к исполнению обязанностей. Восполнение пробелов в военном образовании, применение теоретических знаний в сфере военной педагогики и артиллерии на практике потребовали от А. Люпова терпения и труда. Но через два года он был уверен в том, что освоился с делом, знал и материальную часть, и стрельбу из орудий. Это подтверждалось хорошей аттестацией от командира и воинскими умениями вверенных ему новобранцев [2. Д. 20. Л. 6, 11; Д. 16. Л. 14об., 18об.]. Однако как тогда, так и во все последующие предвоенные годы он был озабочен решением главной задачи в своей жизни – как обеспечить прочное материальное благополучие и лучшие условия службы.

Он видел несколько способов достижения цели, неустанно предпринимая попытки во всех направлениях: перевестись в более перспективное в карьерном

отношении и необременительное с точки зрения физических и интеллектуальных затрат место службы, поступить в Академию или удачно жениться. Уже в январе 1896 г. после провала первой попытки перевода из Михайловской крепости в отдельный корпус пограничной стражи А. Люпов решает начать подготовку к экзаменам в Академию. «... Если я попаду в Академию и кончу ее, то создам себе такое положение, которым по всей вероятности буду удовлетворен. В пограничной же страже я был бы доволен лишь в первые годы моей там службы, а потом бы заkis и заkis окончательно» [1. Д. 7. Л. 2, 9].

В захолустном Батуми единственным местом культурного досуга был приморский бульвар, где в хорошую погоду собирался весь город, но даже там, по убеждению А. Люпова, подстерегали опасности. «Батум такой рассадник чахотки, что всякий здоровый, случайно сюда попавший, старается как можно скорее отсюда удрать..., ибо сюда стекаются массы чахоточных и они всюду ... заражают не только квартиры, но и воздух на бульваре, где они чуть ли не днюют и ночуют» [3. Д. 7. Л. 6, 7].

Офицеры крепостного гарнизона были зрителями и участниками солдатских спектаклей, а также балов и маскарадов в офицерском собрании. Повседневность молодого подпоручика наполнялась чтением романов, новогодним праздником в кругу семьи своего полкового командира, редкими попойками с «неугомонной братией», «безнаказанно» творящей «всякие непристойности», любовными интрижками сослуживцев, слухами и сплетнями о распрях среди командиров [3. Д. 7. Л. 5; 2. Д. 16. Л. 2–2об., 12; Д. 17. Л. 2–2об., 12]. Он жалуется брату на тусклую жизнь и просит узнать о вакансиях, мечтая о жизни в Москве и службе в Кремлевском Артиллерийском арсенале [3. Д. 7. Л. 10].

В апреле 1896 г. А. Люпову все же удалось покинуть Михайловскую крепость, получив направление в расположенный неподалеку Александропольский осадный Артиллерийский парк на должность офицера для особых поручений, «сиречь Адьютанта» [3. Д. 7. Л. 11]. На первых порах он был доволен всем, включая климат. Но уже в сентябре стал хлопотать о возвращении в Батуми, заручившись освидетельствованием местного госпитального врача о том, что здешний климат ему страшно вреден. К этому моменту он уже откомандировался от Управления и заведовал в крепостной артиллерии разрядкой патронов. «Я не живу, а прозябаю», – жаловался А. Люпов брату, рассчитывая на его помощь в переводе в Казанский артиллерийский склад [3. Д. 7. Л. 13, 14]. Вернувшись в декабре 1896 г. в Батуми, он прослужил в Михайловской крепости до июня 1898 г. с перерывом на полгода при поступлении в Академию [2. Д. 20. Л. 6].

Первым рубежом на пути всех желавших стать слушателями Академии Генштаба были экзамены перед предметными комиссиями в соответствующем военном округе. А. Люпов проходил их в Тифлисе, куда приехали кроме него еще 36 офицеров Кавказского военного округа, включая 4 артиллеристов. Им предстояло в течение месяца сдавать три экзамена по русскому языку (сочинение, диктант, русская речь), один по истории (Древней, Средней и Новой), а также экзамены по тактике, администрации, уставам, математике, артиллерии, фортификации, иностранным языкам и географии [2. Д. 16. Л. 22об., 29].

Ежегодно по всей стране в окружных комиссиях отсеивалось две третьих из полутора тысяч офицеров, стремившихся в Академию Генштаба. Затем из 400–550, приехавших в Петербург на второй этап, успешно справлялись с испытаниями 140–150 соискателей. Их обучение продолжалось два года, по окончании которых по результатам экзаменов на третий (дополнительный) курс переходили 100 выпускников, из которых, наконец, только 50 приписывались к Генеральному штабу [4. С. 140].

А. Люпов признавался, что у него и «способности-то не из блестящих, да и подготовки-то надлежащей нет», может подвести плохое знание иностранных языков. Но при моральной поддержке брата, следуя его примеру, он постепенно занялся самообразованием, что внесло изменения в привычный порядок жизни [3. Д. 7. Л. 2, 3, 10].

«Я теперь по праздникам в гостях, а в будни даю урок от 11 до 1 часу, обедаю там, от 3 же до 5 занятия в роте, а от 5 до позднейшей ночи сижу у Колосова и мы вместе для большей энергии и для подбадривания зубрим себе, да зубрим» [3. Д. 7. Л. 3]. В январе 1897 г. он подал рапорт о намерении сдавать экзамены в округе, поступление в Академию приобретало в его планах все большее значение как единственная возможность выбиться из «будничной и серенькой жизни» [2. Д. 16. Л. 21].

Однако на первом месте среди личных забот оставались, как и в годы учебы в училище, ограниченность в денежных средствах и необходимость жесткой экономии. Например, получив 20 февраля жалование в размере 45 руб., отдав долг 40 руб., он остался с мизерной суммой, на которую предстояло продержаться целый месяц. Проживал А. Люпов в казарме в комнате фельдфебеля, что позволяло ему не платить за квартиру. «...Я сам столуюсь у себя дома, т.е. на "Примусе": варю 5 шт. яиц всмятку и супюк киселя, таким образом питаюсь вот уже 3-й месяц. Режим этот я установил отчасти для поправки желудка, а также для того, главным образом, чтобы перед поездкой в Академию выпутаться из всех моих мелких долгов... в марте опять буду без копейки, но зато в апреле вздохну свободнее» [2. Д. 16. Л. 3]. На деле такой режим экономии продолжался до конца мая, пока не завершились успехом экзаменационные испытания в округе, после которых его не узнавали знакомые – так он сильно похудел и ослаб [2. Д. 16. Л. 5, 22об., 23, 24].

Единственное увлечение, которому А. Люпов предавался со страстью, была фотография. В этом деле он стремился к совершенству, изыскивал средства для приобретения качественной фотокамеры («последнее слово фототехники»), которую специально выписал из Лондона через английского консула в Тифлисе [2. Д. 16. Л. 4об.–5, 28об.]. Самообразование и занятие фотографией спасали молодого офицера от хандры, периодически охватывавшей его душу вследствие одиночества, неустроенности, мыслей о необходимости оказывать материальную помощь отцу, а после его смерти мачехе, сводным братьям, родной сестре, наконец, просто от накопившейся усталости. В минуты таких тягостных раздумий любой толчок извне – ссора с ротным командиром, напоминание о смерти близких, неудача в любви – нарушали его душевное равновесие настолько, что мелькала мысль о самоубийстве [2. Д. 16. Л. 20–20об.].

Случаи суицида в армии, как и в России в целом, были редки, но они тем более обращали на себя внимание своей необъяснимостью [6. Т. 2. Прил. Табл. 50]. Генерал А.И. Деникин не прошел мимо этого явления и в воспоминаниях рассказал о самоубийстве в его бригаде в течение четырех лет четырех молодых и хороших офицеров. Он считал суициды косвенным признаком неблагополучия в артиллерийской бригаде [4. С. 294–295].

В Михайловской крепости эта беда также случалась, покончил жизнь самоубийством капитан, командир 1-го батальона, а спустя время полковник, командир 2-го батальона. Это произвело глубокое впечатление на А. Люпова, особенно потому, что причины были не ясны – «оба крепкого телосложения и люди с деньгами». Он предположил, что полковник застрелился из-за неприятностей по службе – обнаружил, что «дела не знает» и испугался ответственности [2. Д. 16. Л. 3, 5, 7].

У него же для суицида больше личных причин. Отец невесты, состоятельный алатырский помещик, которому семья Люповых задолжала деньги, не благословил дочь на брак с Алексеем. Второй, петербургский, этап вступительных экзаменов в Академию не увенчался успехом. При неплохих в целом отношениях с сослуживцами, тем не менее он близко ни с кем не сошелся; в городе о нем распространялись ужасные слухи. Наконец, «это не жизнь, а сущая дрянь. ..., куда ни помотришь, все скука, скука, скука. Нет настоящего дела..., влачу поганую жизнь на Барцхане в полном одиночестве». Одновременно он уверяет любимого брата в том, что «весел, бодр» и верит «в хорошее будущее. ... Лишь бы в Саратов попасть, ведь там можно действительно найти хороших невест», то есть богатых и красивых [2. Д. 16. Л. 12–14об., 28об.]. В третий год своей службы в Михайловской крепости А. Люпов рассматривал различные варианты бегства из Батуми: удачно жениться, поступить в юридическую академию, перевестись в Петропавловскую или Кронштадтскую крепостную артиллерию, в Казанский военный округ [2. Д. 16. Л. 22, 27об., 29]. Он отводил особую роль в своей судьбе протекциям брата, а также поддержке их общих знакомых по годам учебы в кадетском корпусе и военном училище [2. Д. 16. Л. 28об., 29об.; Д. 17. Л. 4–4об., 5–5об., 6].

Хлопоты оказались пустыми, и когда в переводе в столь желанный Саратов было отказано, А. Люпов написал прошение на Высочайшее имя с просьбой об отставке. Придя в себя от пережитого волнения, удержался от отправки прошения и вскоре выслал брату докладную записку в Главное артиллерийское управление, в которой просил о направлении его в «Талиен-Ванскую крепостную артиллерию». Для того чтобы на этот раз добиться перевода, А. Люпов решился на шантаж начальства: «...снеси мою докладную..., сообщив, на всякий случай, что если меня не переведут, то я подам в запас. Этот ультиматум будет иметь смысл, так как береговые офицеры теперь нужны...» [2. Д. 17. Л. 6–6об.]. Действовал он хладнокровно, на деле не собирався уходить со службы. А. Люпов рассчитывал, что начальство побоится отказать – незадолго до этого в Михайловской крепости застрелились два офицера, чьи подобные же ходатайства не были удовлетворены [2. Д. 17. Л. 7].

Выбрав Даляньвань в качестве нового места службы, А. Люпов надеялся на карьерный рост, поскольку в Михайловской крепости должность ротного командира замещалась преимущественно вновь прибывшими капитанами, а не из своих гарнизонных кандидатов. Еще в большей степени его заинтересовали материальные условия, которыми Дальний Восток превосходил возможности военной службы в любой из русских крепостей. Высокое жалованье, прогонные и подъемные в сумме (800 руб.), в полтора раза превышавшей его годовой оклад, дешевизна европейских товаров из-за порто-франко, введенного в китайской провинции, наконец, «дешевая земля» для постройки собственного домика. Все это было так заманчиво, что А. Люпов советовал и брату по окончании Академии Генштаба взять назначение на Дальний Восток [2. Д. 17. Л. 6–9]. В случае неудачи с Даляньванем он готов был отправиться в Порт-Артур, а оттуда уже перебраться в Даляньвань. Если бы на Востоке «пришлось очень туго..., то тогда можно будет подготовиться в Юридическую Академию и удрать себе преблагополучно» [2. Д. 17. Л. 8–8об., 10].

Вскоре в гарнизон Михайловской крепости пришло распоряжение окружного командования направить в Квантунскую артиллерию, в Порт-Артур одного офицера в штат Управления и десять нижних чинов. Немногие, пожелавшие заняться военно-бюрократической работой за тысячу километров от России,

тянули жребий. Он достался А. Люпову, и начальство незамедлительно утвердило его кандидатуру [2. Д. 17. Л. 9–9об.]. Ему предполагались подъемные в сумме годового оклада (650 руб.), прогонные в двойном размере (190 руб.), суточное содержание на время пути и возможность поехать и послужить в тех далеких местах. Он был совершенно доволен всем этим [2. Д. 17. Л. 10].

31 мая 1898 г. состоялись торжественные проводы отбывавших в Порт-Артур. Был отслужен молебен о путешествующих, в ходе которого роль церковных певчих выполнили офицеры. С напутственным словом обратился командир крепостного гарнизона, затем состоялась раздача солдатам на память серебряных рублей с изображением императора Николая II. Шумная прощальная пирушка с сослуживцами завершила последний день А. Люпова в Михайловской крепости. 1 июня вместе с вверенными его попечению десятью нижними чинами он вступил на пароход, доставивший их из Батуми в Одессу. Предполагалось задержаться там на 11 дней для оформления документов, получения имущества и денег [2. Д. 17. Л. 11–12об.].

В причерноморский «маленький Вавилон» А. Люпов явился уже неплохо экипированным. На прогонные до Одессы и часть полученного годового жалованья он еще до отъезда из Батуми сшил себе сюртучную пару, три кителя, приобрел сапоги, ботинки и белье, расплатился с долгами и офицерским капиталом. В письме брату он сообщал, что сможет выслать ему не более 30 руб., да и те ему очень нужны. Предстояло еще заказать мундирную пару, купить фотографические принадлежности, заплатить за проживание в гостинице, нужны средства на путешествие и культурные запросы – труппа Малого театра будет в Одессе, – он также сожалеет о невозможности спокойно кутнуть в одесских кафе-шантанах. И все же он выслал старшему брату 25 руб., отложив на время приобретение новой мундирной пары [2. Д. 17. Л. 12об.–13об.].

Быстрая смена впечатлений во время путешествия на пароходе «Саратов» через Черное море, Босфор, Средиземное море, Суэцкий канал, Красное море, Индийский океан, Бенгальский залив отвлекали А. Люпова от первого разочарования по поводу новой службы. Еще в Одессе он огорчился, узнав, что будет назначен не на должность адъютанта по хозяйственной части в Управление, а простым ротным офицером. Короткие остановки на день или одни – двое суток в Константинополе, Порт-Саиде, Адене, Коломбо, Сингапуре, Гонконге, Шанхае и знакомство с местной экзотикой заглушали как тревожное ожидание неизвестности, так и раздражение от некомфортного пребывания на пароходе [2. Д. 17. Л. 14–24].

Он вместе с семьей другими офицерами ехал в тесной 6-местной каюте на нижней палубе, страдая от скученности, духоты и черной пыли, забивавшейся во все щели во время погрузки угля на пароход. Иллюминаторы на нижней палубе опустились до уровня воды и были завинчены наглухо. «Саратов» принял на свой борт 1 200 человек и более 300 тыс. пудов груза. Военные почти все ехали с семьями, объемным багажом, в котором были предметы мебели и даже рояль [2. Д. 17. Д. 15–15об.]. Особенно тяжело пришлось нижним чинам, умер от брюшного тифа канонир, заразившийся, по-видимому, еще в Одессе, где пришлось оставить в местном лазарете 60 тифозных солдат. Другой солдат умер в пути от воспаления легких. Эти события в единстве с естественными опасностями морского путешествия, изнуряющей качкой во время шторма, видом огромных акул за бортом спровоцировали безумный страх у пассажиров, разговоры о гибели парохода и смерти в открытом океане [2. Д. 17. Л. 20–21об., 22].

А. Люпов не страдал от качки и не испытывал страха, его больше расстраивала судьба тянуть ляжку обыкновенного строевого офицера. Он был прикомандирован к одной из рот на период плавания, занимался с 8 до 9 утра гимнастикой с нижними чинами, учил их выполнению уставов, отрабатывал на моделях навыки установки артиллерийских платформ, водил на прогулки во время стоянок, нес ночные дежурства. Но и в этих новых обстоятельствах он оставался верен себе – познакомился с командирской дочкой с целью возможной женитьбы, приобрел в пути немало восточных дешевых безделушек с намерением перепродать их в России или в Порт-Артуре, много фотографировал для альбома, надеясь издать его с пояснительным литературно-художественным текстом [2. Д. 17. Л. 19–20об.].

3 августа пассажиры увидели берег Порт-Артура. «Пошли тихим ходом. Справа огромная, так называемая Золотая Гора, слева “Тигровый хвост”, или коса, имеющая такое название. На “Тигровом хвосте” маяк, окрашенный белой краской, и маленькие домики, обнесенные оградой. С Золотой горы народ побежал вниз, крича “Ура”, с “Саратова” тоже раздалось ответное, дружное и радостное. Тихо прошли мимо маяка... Впереди узкий, саженей 150 проход в восточный рейд... Много военных судов, окрашенных в белый цвет... Рейд довольно вместительный, но для флота, конечно, слишком мал. Берега выложены гранитом» [2. Д. 17. Л. 25].

В Порт-Артуре А. Люпов прослужил более 5 лет, принял участие в его обороне и именно у маяка на «Тигровом хвосте» командовал артиллерийской батареей.

Практическая значимость представленных в статье наблюдений об армейской повседневности части младшего офицерского состава может использоваться в образовательной и научно-исследовательской деятельности при изучении соответствующих вопросов новой социальной и военной истории. Кроме того, статья знакомит с социальным опытом переживания житейских невзгод и материально-бытовых трудностей личностью из армейской среды.

Дальнейший интерес к перипетиям отдельной судьбы в определенном смысле типичного представителя младшего офицерского корпуса русской армии направляет в сторону большего наполнения исторической конкретикой представлений о тех, кто защищал Порт-Артур, о мотивации их поступков и выбора жизненного пути не только в условиях военной повседневности, но и в мирной обстановке.

Выводы. Повседневность в средних военных учебных заведениях отличалась по меньшей мере двумя характерными чертами: весьма умеренным материальным обеспечением юнкеров, часть которых, подобно А.Н. Люпову, терпела постоянную нужду в денежных средствах и недостаток в элементарных бытовых предметах; и строгой дисциплиной с жесткими методами воспитания, ставкой на выносливость и хорошую физическую подготовку будущих офицеров, на освоение ими теоретических предметов по военной специальности и сравнительно небольшой долей практических занятий. Служба подпоручиком-артиллеристом в гарнизоне отдаленной крепости для человека с творческим воображением и завышенными ожиданиями от жизни, каким представляется А.Н. Люпов в письмах, не обещала карьерного роста, приводила к унынию и поиску новых служебных перспектив. Выбор еще более отдаленной от Центральной России дальневосточной крепости Порт-Артур воспринимался в этих обстоятельствах как меньшее зло, поскольку вселял надежду на лучшее материальное обеспечение и в тот период еще не пугал опасностью войны.

Литература

1. *Володихин Д.М.* Две ветви микроисторической платформы в отечественной историографии // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 8. Специальный выпуск: Персональная история и интеллектуальная биография. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 445–447.
2. Государственный архив Ярославской области. Ф 1299. Оп. 1.
3. Государственный архив Ярославской области. Ф. 1299. Оп. 2.
4. *Деникин А.И.* Старая армия. Офицеры. М.: Айрис-пресс, 2005. 512 с.
5. *Карцов П.П.* Исторический очерк Новгородского графа Аракчеева кадетского корпуса и Нижегородской военной гимназии (ныне Нижегородский гр.[афа] Аракчеева кад.[етский] корпус): составил к 50-ти летнему юбилею корпуса кадет первого приема и первого выпуска генерал-лейтенант Карцов. 1834–1884. СПб.: Тип. Ф.С. Сушинского, 1884. 416 с.
6. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланов, 2003. Т. 2. 566 с.
7. *Побережников И.В.* Микроистория: действия и структуры в историческом контексте // Уральский исторический вестник. 2010. № 4(29). С. 8–13.
8. *Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В.* Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы Анналов к Российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4, № 1. С. 7–21.
9. *Ревель Ж.* Микроисторический анализ и конструирование социального // Одиссей. Человек в истории / пер. с фр. Е.И. Лебедевой. М., 1996. С. 110–127.
10. Русская армия в Великой войне: Картоотека проекта: Люпов Сергей Николаевич [Электронный ресурс]. URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=486> (дата обращения: 31.05.2024).
11. *Филюшкин А.И.* Методологические инновации в современной российской исторической науке // АСТЮ NOVA: сб. ст. М.: Глобус, 2000. С. 7–52.
12. *Черутти С.* Микроистория: социальные отношения против культурных моделей? // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 2006. Вып. 7. С. 354–375.
13. *Шапошников Б.М.* Воспоминания. Военно-научные труды. М.: Воениздат, 1974. 574 с.

АРХИПОВА ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского, Россия, Ярославль (Lubov.a2011@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8285-5720>).

Lyubov M. ARKHIPOVA

**BIOGRAPHICAL DISCOURSE OF EVERYDAY ARMY SERVICE
AT THE END OF THE XIX CENTURY**

(based on letters from lieutenant A.N. Lupov)

Key words: *social elevator, military education, army service, fortress artillery, officers' everyday life.*

The article is devoted to the topic of the "private gentleman" which relatively rarely attracts the attention of researchers and, meanwhile, it is invariably relevant and timeless in large-scale, significant historical and social processes.

The purpose of the study is in line with modern trends in the development of historical science and is to use the cognitive capabilities of historical biography genre to reveal the characteristic features of everyday life in military training and in further army service of a part of the Russian army's junior officers on the eve of the Russo-Japanese War.

Materials and methods. Verification of the research results is ensured by using an ideographic approach and an essential descriptive analysis of source information in line with two relevant directions of new social history – historical biography and historical everyday life. The documentary basis for studying the topic was mainly the autobiography and letters of Lieutenant Alexei Nikolaevich Lupov, addressed to his elder brother Sergei Nikolaevich Lupov and stored in the State Archive of Yaroslavl region. The documents involved in solving the task are introduced into scientific circulation for the first time.

Research results. The first part of the article explains the motivation of A.N. Lupov when choosing military service as a social elevator and achieving material well-being, it describes the conditions of his studies in Nizhny Novgorod Cadet Corps and Moscow Infantry Military

School. The second part of the article presents the analysis of social and everyday aspects of army service in the fortress artillery in Batumi and Alexandropol and considers career opportunities. It also contains information about how junior officers and enlisted personnel of the fortress garrison were sent to Kwantung Artillery, about preparations for the long journey to a new duty station and first impressions of Port Arthur.

Conclusions. *The final part of the article contains a number of observations on the research topic. Focusing on life conflicts of an ordinary, not distinguished by talents and heroics second lieutenant A.N. Lupov, his lifestyle and mentality, the author offers a documented understanding of social and everyday aspects of the life of a part of the Russian army's junior officers at the end of the XIX century.*

References

1. Volodikhin D.M. *Dve vetvi mikroistoricheskoi platformy v otechestvennoi istoriografii* [Two Branches of the Microhistorical Platform in Russian Historiography]. In: *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii. 8. Spetsial'nyi vypusk. Personal'naya istoriya i intellektual'naya biografiya* [Dialogue with time. Almanac of Intellectual History. 8. Special Issue: Personal History and Intellectual Biography]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002, pp. 445–447.
2. *Gosudarstvennyi arkhiv Yaroslavskoi oblasti. Fond 1299. Opis' 1* [State Archives of the Yaroslavl Region. Archive 1299. Anagraph 1].
3. *Gosudarstvennyi arkhiv Yaroslavskoi oblasti. Fond 1299. Opis' 2* [State Archives of the Yaroslavl Region. Archive 1299. Anagraph 2].
4. Denikin A.I. *Staraya armiya. Ofitsery* [The Old Army. Officers]. Moscow: Airis-press Publ., 2005. 512 p.
5. Kartsov P.P. *Istoricheskii ocherk Novgorodskogo grafa Arakcheeva kadetskogo korpusa i Nizhegorodskoi voennoi gimnazii (nyne Nizhegorodskii gr.[afa] Arakcheeva kad.[etskii] korpus): sostavil k 50-letnemu yubileyu korpusa, kadet pervogo priema i pervogo vypuska general-leitenant Kartsov. 1834–1884* [Historical sketch of the Novgorod Count Arakcheev Cadet Corps and the Nizhny Novgorod Military Gymnasium. 1834–1884]. St. Petersburg, 1884, 416 p.
6. Mironov B.N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii XVIII – nachalo XX v. Genezis lichnosti demokraticheskoi sem'i grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva: v 2 t.* [Social history of Russia in the period of the empire (XVIII – early XX centuries). The genesis of the individual, the democratic family, civil society and the rule of law. 2 vols.]. St. Petersburg, 2003, vol. 2, 566 p.
7. Poberezhnikov I.V. *Mikroistoriya: deistviya i struktury v istoricheskom kontekste* [Microhistory: Actions and Structures in a Historical Context]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Bulletin], 2010, no. 4(29), pp. 8–13.
8. Pushkareva N.L., Lyubichankovskii S.V. *Ponimanie istorii povsednevnosti v sovremen-nom istoricheskom issledovanii: ot shkoly Annalov k Rossiiskoi filosofskoi shkole* [Understanding the History of Everyday Life in Modern Historical Research: From the Annales School to the Russian Philosophical School]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 2014, vol. 4, no. 1, pp. 7–21.
9. Revel' Zh. *Mikroistoricheskii analiz i konstruirovaniye sotsial'nogo* [Microhistorical Analysis and Construction of the Social]. In: *Odissei. Chelovek v istorii* [Odysseus. Man in History]. Moscow, 1996, pp. 110–121. Available at: <https://lilitlife.club/books/84957/read?page=48> (Access Date: 2024, May 31).
10. *Russkaya armiya v Velikoi voine: Kartoteka proekta: Lyupov Sergei Nikolaevich* [The Russian Army in the Great War: Card Index of the Project: Lyupov Sergey Nikolaevich]. Available at: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=486> (Access Date: 2024, May 31).
11. Filyushkin A.I. *Metodologicheskie innovatsii v sovremennoi rossiiskoi istoricheskoi nauke* [Methodological Innovations in Modern Russian Historical Science]. *ACTIO NOVA: sb. st.* [ACTIO NOVA: Digest of articles]. Moscow, Globus Publ., 2000, pp. 7–52.
12. Cherutti S. *Mikroistoriya: sotsial'nye otnosheniya protiv kul'turnykh modelei?* [Microhistory: Social Relations vs. Cultural Patterns?]. In: *Kazus: Individual'noe i unikal'noe v istorii* [Casus. Individual and unique in history], 2006, iss. 7, pp. 354–375.
13. Shaposhnikov B.M. *Vospominaniya. Voенно-nauchnye trudy* [Memories. Military-scientific works]. Moscow, Voenizdat Publ., 1974, 574 p.

LYUBOV M. ARKHIPOVA – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Russia, Yaroslavl (Lubov.a2011@yandex.ru).

Формат цитирования: *Архипова Л.М.* Биографический дискурс повседневной армейской службы в конце XIX века (по письмам подпоручика А.Н. Люпова) // Исторический поиск / Historical Search. 2024. Т. 5, № 3. С. 43–54. DOI: 10.47026/2712-9454-2024-5-3-43-54.